

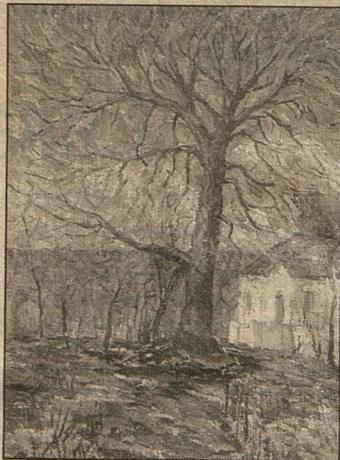
Деревья, яблоки, цветы...

Владимир Надеждин-Бирштейн в Трубниковском переулке

Словосочетание "Государственный Литературный музей" связано с книгами, писательскими судьбами, иллюстрирующими их фотоснимками или пейзажами, на фоне которых протекала жизнь великих, а также с вечерами в память всех, "кого уж нет, а те далече"... И менее всего ассоциаций — с миром художников, что не вполне справедливо: в коллекции ГЛМ великое множество артефактов, причем не только таких, что являются творениями "писателей рисующих", как гордость музея — картины и рисунки Лермонтова, либо портретами и образцами оформления изданий, но и вполне самодостаточных. В последние годы особенно четко выявилась тенденция, заставляющая оценить энтузиазм сотрудников Отдела литературы XX века: одно за другим они выявляют имена полузабытые или совсем безвестные, предоставляя свои залы идущим вразрез с "мейнстримом" людям — одаренным, но зачастую не признанным. В этом ряду стоит и недавно открытая здесь выставка "Владимир Надеждин-Бирштейн (живопись)".

Как знать, может быть, памятуя поговорку "дома и стены помогают", отнести эту "факультативную" для литературного музея, но весьма интенсивную и результативную деятельность на счет самого дома в Трубниковском переулке, где некогда жил (и превратил свою обитель в настоящий музей) купец, художник и меценат Илья Остроухов? Тот самый, кто прослыл самым страстным "на Москве" собирателем и редкостным знатоком искусства, кто передал Третьяковке древнерусские иконы, но и открыл двери галереи множеству новаторов: дело доходило до скандала, когда коллеги по Опекуновскому совету Третьяковской галереи, весьма уважаемые знатоки вроде И. Грабаря, жестоко "били" Илью Семеновича "за синюю бабу" — столь презрительно они именовали хрестоматийную ныне "Даму в голубом" кисти К. Сомова...

Сегодня прежние страсти выглядят курьезно, особенно если вспомнить, что мы еженедельно наблюдаем на выставках современников. И вместе с тем пробиться к публике, к своему зрителю, благодарному и понимающему, художнику с ранимой душой и отсутствием "деловой жилки" ничуть не легче, чем столетие назад. А может, и труднее... Ушедший пять лет назад из жизни Владимир Надеждин-Бирштейн (1941–2000) — как раз такой случай. И если бы не семья, преданная его памяти, в частности сестра — художница Анна Бирштейн, не увидели бы публике трепетной, тонкой и воздушной живописи, в изобилии скопившейся в квартире на Смоленской. Тяжкий недуг обрекал на вынужденное затворничество: к концу своего земного пути Владимир почти не покидал "родового гнезда". По словам друзей, жил анахоретом. Щедро одаренный, он почти никому не был известен за пределами узко-профессионального круга. Между

В. Надеждин-Бирштейн.
"Пейзаж". 1965 г.

тем понимавшие толк в ремесле живописца коллеги считали Надеждина редким талантом, а иные называли его самым ярким и своеобразным в художественной династии, к которой он принадлежал. Его отец и наставник — известный живописец и график Макс Авадьевич Бирштейн, ненадолго переживший сына, художницей была и мать — Татьяна Надеждина.

Болезнь болезнью, но жажда творчества словно толкала вперед — на пейзажи, на натуру, служившую главным источником вдохновения: мало того что Владимир получил классическую выучку, но еще и с детства перед глазами был пример отца, умевшего "зажечь" самый скромный уголок, неважно, квартиры или дачной Тарусы, превратив его в полный артистизма пейзаж или натюрморт. В 1966 году Надеждин окончил Школу мастеров при Строгановском училище, рисовал без усталости, самозабвенно изучал живопись. Стремился к совершенству неистово. Как член МОСХа, он сотрудничал с Комбинатом живописного искусства, ездил в командировки по городам Центральной России, Сибири, Средней Азии, но редко получал солидные заказы. А когда они все-таки случались, готовые полотна приходилось адаптировать к стандартам советского "салона", дабы сделать картины приемлемыми, "удобоваримыми" для вкусов заказчика. Холсты, качество которых трудно было подвергнуть сомнению, слишком явно припахивали пейзажной крамоллой 1920-х, чтобы пройти бдительный художсовет или выставком. И "дописывать" их приходилось отцу, маститому Максиму Бирштейну, который так и говорил с горечью: "Иду портить Володины работы".

Столь необходимые художнику путешествия, точнее, странствия его картин продолжались на новом витке бытия — уже данью памяти автора. Экспозиция в Трубниковском вобрала в себя почти 40 лет творческой жизни, оборвавшейся безвременно и нелепо. Это не повторение, а продолжение первой для Владимира Надеждина персональной выставки: все тот же Литературный музей уст-

раивал ее к 60-летию живописца, но стала она мемориальной, открывшись на 40-й день после гибели автора. И как тогда, в 2001 году, так и теперь друзья говорили на вернисаже: "Вся жизнь его была нелегкой и не слишком счастливой — тем более поразительно, сколь светла и мажорна его живопись".

К сожалению, работы Надеждина, помимо родных, хранит только Тарусский музей, а монографий и альбомов о нем пока не существует, если не считать скромного буклета к первой выставке и чуть более полного каталога нынешней. Любимыми жанрами Владимира были пейзаж и натюрморт, а вдохновение он черпал повсюду, будь то вид из окна московской квартиры или поездка от Союза художников в Переславль или Грюнчич Ключ. Его кисть превращала простое дерево, раскинувшее ветви на фоне безликих домов, в сказочного великана, городской ландшафт — из будничного в торжественный, а скромный полевой цветочек вдруг оживал солнцем в миниатюре, озаря холст волшебным светом. "Поиски себя" шли непрестанно, трансформируя манеру от традиционного сезаннизма, где на холсте — плотные слои краски, а композиция близка к классической, — к некоему варианту неопримитивизма, к отрешенности в трактовке формы, острастению сюжета. С годами поверхность картин становилась легче, прозрачнее, цвет растворял плотную материальную оболочку вещей, и поздние натюрморты приближались к непосредственности детских рисунков. Специфическое искривление пространства, будто бы свернутого "внутрь себя", лишенного привычной глубины и перспективы, создавало впечатление трогательной и загадочной незавершенности, недоговоренности, а простейшие предметы — ваза или яблоко — превращались в опознавательные знаки этой новой системы. Но мастерство удерживало холсты Владимира на той деликатной грани, за которой предмет исчезает, перерастая в знак, символ, но теряя важную для живописца "вещность".

След, который Надеждин-Бирштейн оставил в искусстве, не заметен поверхностному, снобистскому взгляду, однако глубок и серьезен. Изысканность его стиля и колорита еще предстоит оценить, а обозначенные им творческие задачи — разгадать. Поздние работы мастера по лаконизму и утонченности близки наследию Владимира Яковлева — еще одного художника с трагической судьбой, ныне признанного гениальным. "Легкое дыхание" сближает этих двух людей, таких несхожих, но явно обозначивших один и тот же важный и, вероятно, характерный для нашего времени вектор — "курс на новую простоту" — в извилистом, усложненном, полном противоречий развитии новейшей российской живописи.

Елена ШИРОЯН

К. Уильямс. 2005. - 7-13 апр. - с. 10